

Чжай Нин прождала Цзян Сюньвэя в отдельном кабинете ресторана полчаса. Тот прислал сообщение, что застрял в пробке, но скоро будет.

Она в раздражении посмотрела на часы.

Эти тридцать минут она потратила на воспоминания об их совместной работе. Цзян Сюньвэй был старше и пришёл в больницу раньше неё, однако однажды проведённая им тайная операция перечеркнула все его шансы на карьерный рост. Об этом инциденте знали лишь несколько человек из руководства. Тогда, из уважения к заслугам врача, дело не стали предавать огласке, но доверие было подорвано навсегда.

Человек, который столь открыто даёт зелёный свет своим родственникам в обход правил, не заслуживает доверия — такова была официальная позиция.

Хотя в глубине души Чжай Нин считала, что винить его нельзя. Все мы люди, и труднее всего отринуть человечность и узы крови. Окажись она на его месте, возможно, поступила бы так же ради репутации собственной дочери.

Став директором, она не рассматривала тот случай как клеймо в биографии коллеги и старалась относиться к каждому ценному сотруднику непредвзято. И если она не позволила давней истории повлиять на её решения, то в отношении Цзян Сюньвэя всё же поступила несправедливо — из-за своих связей с Чжоу Хуном.

Пусть внешне всё выглядело пристойно, ведь Чжоу Хун был куда популярнее среди персонала, Чжай Нин прекрасно осознавала истинные мотивы своих поступков. Поэтому желание Цзян Сюньвэя поговорить с ней с глазу на глаз после выхода на пенсию казалось ей вполне закономерным.

Однако мысли её то и дело невольно возвращались к той матери с ребёнком.

Эта сцена слишком сильно ударила по нервам. Ей нужно было хорошенько выспаться, чтобы эти образы хоть немного поблекли.

Чжай Нин уже собиралась снова набрать номер собеседника, когда в дверь кабинета дважды постучали. Официант распахнул створку, и перед ней возникла фигура старого врача.

Она едва заметно нахмурилась.

Вместе с ним в комнату ворвался холод — резкий, пронзительный холод далёких гор, пропитавший его тяжёлое пальто.

Цзян Сюньвэй улыбнулся и поправил седеющие волосы:

— Заставил вас ждать, директор Чжай.

Чжай Нин постаралась не обращать внимания на веющий от него мороз:

— Проходите, садитесь, доктор Цзян.

Звукоизоляция в кабинете была не идеальной: женщина краем уха услышала, как открылась дверь по соседству, и туда зашли несколько человек.

Цзян Сюньвэй повесил пальто на вешалку, закатал рукава и принялся растирать покрасневшие от холода руки:

— Директор, вы уже что-нибудь заказали?

Чжай Нин покачала головой:

— Нет, я не особо голодна. Закажите на свой вкус, я буду что угодно.

Аппетит у неё действительно пропал. Стоило ей вспомнить смирение той женщины, распластавшейся на полу, как трапеза в роскошном ресторане начинала казаться ей чем-то греховным. Ведь стоимость этого ужина равнялась нескольким коробкам «Цзякэтина».

Старик вызвал официанта и заказал сет на двоих. Чжай Нин видела: ему тоже не до еды.

***

В соседнем кабинете Ли Жун с улыбкой пододвинул меню к Суй Ваньцзюнь, аккуратно обогнув лежащий в центре стола смартфон. На телефоне был активен вызов.

Настройки были выставлены заранее: их голоса не доносились до соседей, зато всё, что происходило за стеной, слышалось предельно чётко.

Старушка отвернулась, не проронив ни слова.

«Само моё согласие сидеть здесь и подслушивать — уже акт недоверия к Чжай Нин»

Из-за этого гнетущего чувства кусок в горло не лез.

Ли Жун лишь понимающе пожал плечами, не настаивая.

Хун Жу, напротив, крепко держала её за руку, настороженно поглядывая на Ли Жуна, Цэнь Сяо и Цзянь Фу. Теперь она понимала, что эти люди не имеют никакого отношения к молодёжной ассоциации, но их истинные личности оставались для неё загадкой. К тем, кто начал знакомство с обмана, она не испытывала симпатии, какими бы статными и благообразными они ни выглядели.

***

Чжай Нин налила себе чаю. Когда она хотела наполнить чашку Цзян Сюньвэя, тот отодвинул её и покачал головой:

— На ночь чай не пью, потом не усну.

Она понимающе кивнула с вежливой улыбкой:

— Слышала, вы устроились в частную клинику. Говорят, условия там весьма достойные.

Цзян Сюньвэй понимал, что это лишь светская беседа, на которую следовало бы ответить любезностью, но у него не было на это сил.

— Директор Чжай, вы знаете: я человек упрямый и привык во всём доходить до сути. В день выхода на пенсию у меня в душе накопилось столько всего, что молчать просто невыносимо. Я не хочу уносить эти вопросы с собой в могилу и желаю получить ясные ответы.

Чжай Нин собиралась сделать глоток чая, чтобы смочить горло, но после этих слов желание пропало. Она слишком хорошо знала характер собеседника: рубить сплеча и не заботиться о приличиях было вполне в его духе. Однако она понимала и другое: то, что он дождался отставки, прежде чем заговорить, свидетельствовало о его нежелании создавать проблемы больнице. В конечном счёте, он оставался простодушным и честным человеком.

— Спрашивайте, — спокойно отозвалась она.

На самом деле, момент был крайне неудачным. Больше всего ей хотелось сейчас оказаться дома, принять горячую ванну, уснуть и забыть о том потрясении, что она испытала в кабинете. Но отказать доктору она не могла — побоялась, что он сочтёт её холодность за попытку уйти от разговора.

Цзян Сюньвэй спросил в лоб:

— Вы ведь не назначили меня заведующим отделением педиатрии из-за ваших родственников

связей с Чжоу Хуном?

На самом деле этот вопрос его уже не волновал. Он задал его лишь для того, чтобы зайти со стороны личной обиды и заставить Чжай Нин ослабить бдительность. Этому приёму его научил Ли Жун.

Директор потёрла ноющие виски, не выказав особого удивления. Она посмотрела ему в глаза и заговорила искренне, с напускным терпением:

— Доктор Цзян, я знаю, что у вас остались претензии по этому поводу. Но назначение на должность заведующего — это не моё единоличное решение. Это результат совещания руководства больницы. К тому же мы проводили анонимный опрос во всём отделении, и поддержка Чжоу Хуна оказалась выше. Я ценю ваш стаж, опыт и мастерство, но система назначений постоянно реформируется. Мы работаем ради общего блага, и это не было выпадом против вас лично. Чжоу...

— Директор Чжай, я уже на пенсии, так что давайте обойдёмся без этих дежурных фраз, — бесцеремонно перебил её Цзян Сюньвэй. — Можете ли вы, положив руку на сердце, заявить, что выбрали Чжоу Хуна не из-за вашего родства?

Когда Чжоу Хун только пришёл в центральную больницу «Цзяцзя», он не был так осторожен. На глазах у многих коллег он называл Чжай Нин — уже тогда старшую ученицу старого директора — «сестрой». Позже ей пришлось объяснять всем, что он — её дальний родственник. Насколько дальний и почему до того момента они вели себя как незнакомцы, никто так и не узнал.

Чжай Нин долго молчала. Взгляд старика был острым как бритва, но она заставила себя не отводить глаз.

Сделав глубокий вдох, она отчеканила:

— В назначении Чжоу Хуна моя совесть чиста.

— Прекрасно! — Цзян Сюньвэй внезапно повысил голос. — Раз уж вы столь справедливы и беспристрастны, что готовы продвигать родственников лишь за таланты, ответьте мне на другое. Два года назад в педиатрии во время клинических испытаний из-за несвоевременно оказанной помощи погибли двадцать детей. Почему Чжоу Хун, как заведующий отделением, не понёс за это никакого наказания?

Чжай Нин лишилась дара речи. Она не ожидала, что он поднимет тему двухлетней давности. Её глаза расширились, губы дрогнули, но слова застряли в горле.

Статус заведующего, зарплата и привилегии даются в том числе и за груз ответственности.

Даже если ошибку совершает рядовой сотрудник, заведующий обязан отвечать за последствия.

Но в инциденте с «Люйиньской» ярость прессы и народа обрушилась на супругов Ли Цинли и Гу Нун. Больницу никто не посчитал нужным винить, а на скромную фигуру Чжоу Хуна и вовсе не обратили внимания. И вот сегодня Цзян Сюньвэй внезапно вытащил это на свет.

***

В соседнем кабинете рука Суй Ваньцзюнь невольно сжалась в кулак.

Молчание Чжай Нин камнем легло ей на сердце. Пусть она не знала тонкостей больничных порядков, она видела: Цзян Сюньвэй спрашивал властно и твёрдо, а её воспитанница не находила сил для достойного ответа. Это означало лишь одно: в этом деле Чжай Нин была неправа.

И могла ли эта неправота быть проявлена без оглядки на неё, на Суй Ваньцзюнь? Старая женщина была слаба телом, но разум её оставался ясным.

Она вспомнила, сколько раз наставляла Чжай Нин приглядывать за Чжоу Хуном, помогать ему и поддерживать, наказывая им держаться друг друга в больничных стенах. Ей было неважно, признаёт ли он в ней мать. Он был её сыном, её плотью и кровью, и пусть они не виделись долгие годы, пусть в его сердце к ней не осталось ничего, кроме затаённой обиды, она всё равно любила его.

И Чжай Нин знала это. Знала, что если бы когда-то Суй Ваньцзюнь не выбрала приют «Сяочэнсян», не выбрала бы её саму, она бы не разлучилась с родным сыном. Возможно, Чжай Нин тоже чувствовала вину перед Чжоу Хуном, и это чувство вылилось в ту несправедливость, о которой говорил доктор.

Старушка медленно покачала головой, её глаза увлажнились.

Хун Жу поспешно достала салфетку и принялась осторожно вытирать слёзы Суй Ваньцзюнь. Она бросила гневный взгляд на Ли Жуна — если бы не эти люди, старушка никогда бы не узнала правды и не терзалась бы сейчас муками совести. Человек всю жизнь творил добро, неужели на закате лет она не заслужила покоя?

Ли Жун, конечно, понял её взгляд, но подобные вещи больше не вызывали в нём гнева.

— Глотнёте воды? — спокойно спросил он, неспешно наливая горячей воды обоим женщинам.

Помня слова Цзян Сюньвэя о бессоннице, он тоже не стал предлагать им чай. Впрочем, Суй Ваньцзюнь сегодня и так вряд ли удастся уснуть.

Хун Жу закатила глаза и едва слышно пробормотала:

— Лезете не в своё дело...

Она имела в виду не воду, а то, что они притащили сюда старушку, фактически принуждая её искать правду двухлетней давности. Всё уже закончилось, всё улеглось — зачем Цзян Сюньвэю ворошить дело «Люйиньской»? Даже если Ли Цинли и Гу Нун были невиновны, убивала их не Суй Ваньцзюнь и уж точно не она сама. В жизни и так хватает проблем, зачем им эта правда?

Она сама не имела никакого отношения к той травле — в то время она была занята свадьбой. О случившемся она узнала лишь из новостей и обсуждала это разве что за обедом, просто чтобы поддержать разговор с роднёй мужа. Она считала себя самым невиновным человеком в мире.

***

Чжай Нин молчала довольно долго. В голове начала нарастать тупая боль — видимо, сказала прогулка на ветру, и старая мигрень напомнила о себе. Она прижала ладонь к виску, массируя его, и с усталым вздохом произнесла:

— Доктор Цзян, то дело было крайне запутанным, и с тех пор утекло много воды...

— Вот как? — Цзян Сюньвэй опустил голову и издал резкий, полный сарказма смешок.

Внезапно он резко оттолкнул стол руками и поднялся. Его голос зазвучал чеканно и властно:

— Директор Чжай, почему же вы не скажете прямо, что Чжоу Хун ни в чём не виноват? Почему не скажете, что во всём виноват Ли Цинли, создавший поддельное лекарство? Что именно его «Люйиньской» убил тех детей? И что Ли Цинли подделом заклеямили как величайшего грешника, и он вместе с женой заслуженно покончил с собой, расплатившись жизнями за тех сирот! Осмелитесь ли вы произнести это вслух?!

Старик с силой ударил ладонью по столу, так что чай выплеснулся из чашки.

Руки Чжай Нин задрожали. Взгляд Цзян Сюньвэя обжигал её кожу подобно раскалённой лампе. Головная боль стала невыносимой, перед глазами всё поплыло, и она едва не лишилась чувств.

Впервые в жизни она ощутила, что слова способны убивать. Слово ножи, они вонзались в её сердце с такого близкого расстояния, что уклониться было невозможно. Она видела свою вытекающую кровь, чувствовала, как уходит тепло, превращая её в живой труп.

«Доктор, спасите мою дочь! Умоляю!»

«Простому человеку не видно надежды... Раньше мы ждали „Люйиньской“, а он оказался подделкой!»

«Мама, не бросай меня»

«Почему же вы не скажете, что именно его „Люйиньской“ убил тех детей?!»

«Что Ли Цинли поделом заклеямили как величайшего грешника, и он вместе с женой заслуженно покончил с собой»

«Осмелитесь ли вы произнести это вслух?!»

«Я не могу... — билось в её сознании. — Я не смею этого сказать!»

В глазах всё перемешалось: она не понимала, стоит ли перед ней разгневанный Цзян Сюньвэй или те несчастные мать и дочь. Их голоса сливались в единый гул, разрывая барабанные перепонки. Она чувствовала себя умирающим странником в пустыне, потерявшим и направление, и воду, и саму себя. Буря ярилась, песок застилал небо, и она знала, что рано или поздно её погребёт под этим слоем, превратив в иссохший скелет.

И всё лишь потому, что когда-то бабочка взмахнула крыльями.

Цзян Сюньвэй смотрел на Чжай Нин, чьи пальцы била неконтролируемая дрожь. Видя её смятение, он не ощутил ни капли жалости.

Его голос стал ровным и горьким:

— Директор Чжай, ни одно деяние не проходит бесследно. Я был хирургом, участвовавшим в тех реанимациях, и вы должны понимать, сколько странностей я тогда заметил. Я лишь хочу знать: почему всё пришло к этому итогу? Как вы сможете теперь смотреть в глаза Ли Цинли, который доверил вам первую фазу испытаний?

<http://bllate.org/book/15351/1569409>